

*Коростелев А.Д.**

Этнологи о будущем: будущее этнических общностей, будущее науки, будущее этнической политики

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению представлений ряда российских обществоведов, главным образом этнологов и историков, второй половины XIX – начала XXI в. о тенденциях развития этнических процессов, а также о желательных изменениях в этой сфере. Обсуждаются случаи позитивных и негативных прогнозов развития этнических общностей, взгляды Н.Я. Данилевского, некоторые вопросы, связанные с категорией этничности и ряд других сюжетов. Рассматривается несколько научных направлений, возникших за последнее столетие, некоторые из которых продолжают развиваться, тогда как другие – уже нет. Обращается внимание на то, что этническая (в частности, языковая) политика не всегда была оптимальной, а чаще зависела от господствовавших общеполитических доктрин, но при этом корректировалась массовым поведением. Остается открытым вопрос, что именно следует считать положительным решением этнических и языковых вопросов. Обращается внимание на необходимость проведения профессиональных этнологических экспертиз, а также на то, что многие факторы этнических процессов лежат за пределами этнической сферы.

Ключевые слова: межэтнические отношения, прогноз, славянофильство, этническая политика, этническая ситуация, этнические общности, этничность, этнография / этнология, языковая политика, языковое родство

УДК 39

Abstract: The article discusses views by some Russian social scientists, mainly ethnologists and historians from the second half of XIX till the beginning of the XXI centuries, about dynamical tendencies of the ethnic processes and desirable changes in that sphere. The positive and negative prognoses of ethnic dynamics, views by Nikolay Danilevsky, some questions connected with the notion of ethnicity and some other subjects are discussed. Several science schools that appeared for the last century, some of which are still continuing to develop and others already not, are regarded. The attention is paid to the fact that the ethnic policy inter alia the language policy has not been already optimal but frequently depended on prevailing political doctrines but has been adjusted by the mass behavior. The question about what should be considered as a positive solution of ethnic and language problems is still open. The attention is paid to the fact that doing professional

* *Коростелев Александр Дмитриевич* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН (e-mail: adkoros@yandex.ru)

ethnological examinations is necessary and that many factors of the ethnic processes lie outside the sphere of ethnicity.

Key words: ethnic relations, prognosis, Slavophilism, ethnic policy, ethnic situation, ethnic communities, ethnicity, ethnography / ethnology, language policy, linguistic affinity

Взгляды на то, насколько этнография / этнология должна заниматься вопросами будущего, в течение последнего столетия претерпели существенные изменения. Если в наше время рассмотрением динамических тенденций и перспектив развития этнических ситуаций и межэтнических отношений, трудно кого-либо удивить, то в XIX – начале XX в. специалисты в данной области писали в подавляющем большинстве случаев только о прошлом и настоящем. Однако, не писали – не значит, не думали. Даже тогда, когда в книгах и статьях авторов того времени невозможно найти непосредственного обращения к теме будущего, их взгляды на перспективы развития процессов, могли, правда, не всегда, отразиться в создаваемых ими текстах косвенно и, читая их, можно обнаружить интересные тому подтверждения.

Другая особенность затрагиваемого здесь сюжета состоит в том, что далеко не все те, кто высказывал какие-то свои суждения на эту тему, были, собственно говоря, этнографами. О будущем развитии этнических процессов писали философы, историки, географы, физические антропологи, социологи, статистики, языковеды.

Кроме того, следует отметить, что некоторые из тех, кто посвящал этим вопросам свои труды, оказывали или оказывают в наше время определенное влияние на общественное мнение или же непосредственно участвовали (участвуют) в разработке и проведении тех или иных мероприятий, связанных с этнической политикой. Поэтому в работах, о которых пойдет речь в данной статье, в одних случаях речь идет о будущем, которое, по мнению авторов, должно через какой-то промежуток времени наступить при сохранении имеющихся тенденций развития общества, а в других случаях – о будущем, которое следует построить или же хотя бы собственными усилиями поспособствовать его приближению.

В целом, в рамках сюжета «Этнологи о будущем» можно выделить три подтемы: будущее этнических общностей, будущее науки, будущее этнической политики.

Будущее этнических общностей

В качестве примеров описания положения некоторых этнических групп с элементами прогноза можно рассмотреть два случая – позитивный и негативный. В первом случае речь шла о группе ногайцев, которые в 1860-е годы, не желая жить на Северном Кавказе под властью Российской империи, выселились в Турцию. Тем не менее, жизнь на чужбине оказалась настолько тяжелой, что вскоре

началось обратное движение. Вернувшиеся в Россию ногайцы были поселены в Ставропольской губернии, где они начали с успехом развивать свое хозяйство.

Статистик и краевед Иосиф Викентьевич Бентковский (1812–1890) писал, что только в двух селениях Ставропольской губернии – Кангли и Крымско-Кевсалинском (ныне село Кевсала Ипатовского района (городского округа) Ставропольского края) «в течение 18-летней оседлой жизни ногайцы возвратившиеся из Турции почти нищими успели развести» 1107 лошадей, 8842 головы рогатого скота, 6601 овцу, 696 коз, а также «сделались рачительными хлебопашцами»¹. «Умудренные горьким и дорого стоящим опытом переселения в Турцию, ногайцы, ныне крестьяне-собственники, если в относительно короткое время довели свое благосостояние до пределов, показанных выше, то, несомненно, они этим обязаны прежде всего своей трудолюбивой, терпеливой и воздержной жизни и ее ограниченным потребностям. Нет сомнения, что при таких условиях характера и том же направлении они, в неотдаленном будущем доведут свое благосостояние до более обширных размеров. Во многих отношениях и преимущественно, как исправные плательщики казне всех лежащих на них денежных податей и повинностей, они могут служить примером своим соседям русским крестьянам-собственникам. Появление ногайца-крестьянина на скамье подсудимых или в месте заключения, чрезвычайно редкое и исключительное явление. Нищих между ними нет – есть только бедные. Правда они живут по обычаю в саклях; но нужно сказать, что если ногайцы не строят себе домов более удобных то потому, что не знают профессиональностей необходимых при домостроительстве. Впрочем, это вопрос архитектурный.

Школ у них еще нет; но едва ли можно отсутствие школ ставить им в укор. Когда же будут, то желательно, чтобы они были больше профессионального, чем общего типа... Народу, так сказать, только вчера вышедшему из состояния номадов, более нужны знания необходимейшие в их новом быту как напр. плотничье, столярное, кузнечное, печное и т.п. чем знание русской грамоты, которую поэтому, на первых порах смело можно отнести на второй план, без малейшего вреда для оседлой и нравственной жизни ногайцев»².

Негативный пример представлен, в частности, в работах профессора А.И. Якобия, проявлявшего беспокойство о том положении, в котором к концу XIX века оказались некоторые народы Севера. Это проявлялось, в частности, в сокращении их численности, в попадании их в долговую зависимость, в распространении среди них алкоголизма, что происходило не без участия определенной прослойки «пришлых людей» (в этническом отношении русских и зырян (коми)), заинтересованных исключительно в собственной прибыли. По словам А.И. Якобия, «все грешное дело угасания

¹ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть I. Ставрополь, 1883. С. 133.

² Там же. С. 134.

совершается малым числом людей не высокого разбора, сильных только безучастием местных властей и культурных людей наших»³.

По мнению исследователя, главные факторы угасания «можно разделить на три группы: I) факторы по существу неблагоприятные, действующие – 1) запрещенный законом ввоз спиртных напитков и 2) система потрав ценных ягельных мест зимовок, важных для развития оленеводства. II) факторы по существу благоприятные, но действующие слабо или не действующие – 3) врачебная помощь, 4) казенные запасные магазины с целями помощи продовольствию (мука и соль) и промыслам (порох и свинец), 5) система духовного и светского просвещения и 6) система управления. III) факторы по существу благоприятные, но извращенные влиянием общего режима в стране, где население переживает еще детские фазы своего общественного развития и нуждается в заботах попечительства»⁴.

А.И. Якобий предлагает программу исследования этого вопроса. Такое «исследование имеет ближайшей целью: 1) дознать истинное положение дел в инородческой стране Тобольских Самоедов, Остяков и Вогулов⁵, имея в виду процесс угасания этих племен и 2) найти возможные меры помощи»⁶.

Тема изменений, которые возможно будут происходить в будущем с различными народами или которые были бы желательными, затрагивались прямо или косвенно, в большей или в меньшей степени многими авторами, которые писали о современном им состоянии общества или пытались прогнозировать его дальнейшее развитие. В этом отношении имеет смысл в качестве одного из наиболее ярких примеров привести работу социолога и публициста Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885) «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому»⁷. Эту работу философ и литературный критик Николай Николаевич Страхов (1828–1896), биограф и последователь Н.Я. Данилевского назвал катехизисом славянофильства⁸, несмотря на то, что, с точки зрения Н.Н. Страхова, Н.Я. Данилевский, в отличие от некоторых славянофилов, никак не соотносит свою позицию с германской философией и не опирается на славянофильские учения как на что-то уже известное, а его подход «можно бы сблизить с духом естественных наук»⁹.

³ Якобий А.И. Угасание инородческих племен Тобольского севера // Живая старина. Периодическое издание Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества под редакцию Председательствующего в Отделении Этнографии В.И. Ламанского. Год шестой. Выпуск III и IV. Отдел I. СПб., 1896. С. 267–268.

⁴ Там же.

⁵ Т.е. ненцев, хантов и манси.

⁶ Якобий А.И. Инструкция исследования инородческих племен Тобольского севера // Живая старина. Периодическое издание Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества под редакцию Председательствующего в Отделении Этнографии В.И. Ламанского. Год шестой. Выпуск III и IV. Отдел I. СПб., 1896. С. 273.

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. Изд. 3-е. СПб., 1888.

⁸ Страхов Н.Н. Предисловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. Изд. 3-е. СПб., 1888. С. XX.

⁹ Там же. С. XXV, XXVI.

Несмотря на то, что значительную часть жизни (1853–1871) Н.Я. Данилевский занимался исследованиями рыболовных промыслов¹⁰, он был человеком обширной эрудиции в сфере общественных наук, хотя в его знаниях имелись и пробелы, которые не могли не сказаться как на его мировоззрении, так и на сделанных им выводах.

Центральным же моментом в вопросах, относящихся к теме настоящей статьи, у Данилевского была идея о том, что понятие развития для человечества в целом лишено смысла. С его точки зрения, «всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою – для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества»¹¹. Таким образом, Н.Я. Данилевский, во-первых, основывал, согласно данному определению, понятие культурно-исторического типа исключительно на языковом родстве, а во-вторых, оговаривал, что не всякое языковое родство между народами само по себе является достаточным условием для того, чтобы они составили культурно-исторический тип. Необходимы еще способность к историческому развитию по «духовным задаткам» и стадия развития, на которой этот народ уже вышел «из младенчества». По мнению Н.Я. Данилевского, «отыскание и перечисление этих типов не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны... Это культурно-исторические типы или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский или древне-семитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический или аравийский и 10) германо-романский или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американские типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития»¹².

В другом месте той же работы Н.Я. Данилевский отмечает, что «культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам или племенам человеческого рода»¹³.

Другой закон Н.Я. Данилевский сформулировал следующим образом: «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью»¹⁴. Подобное утверждение сразу же вызывает вопрос: как долго такая политическая независимость должна сохраняться, чтобы соответствующая цивилизация продолжала свое развитие? Ведь история знает

¹⁰ Там же. С. VIII–XII.

¹¹ Данилевский Н.Я. Указ . соч. С. 96.

¹² Там же. С. 91.

¹³ Там же. С. 130.

¹⁴ Там же. С. 96.

случаи, когда развитие культуры с большим или меньшим успехом продолжалось в течение даже не веков, а тысячелетий после того, как государство, в рамках которой оно возникло, прекратило свое существование. В качестве такого случая можно назвать евреев.

Еще один закон, сформулированный Н.Я. Данилевским, выглядит следующим образом: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»¹⁵. По мнению Н.Я. Данилевского, «культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам или племенам человеческого рода»¹⁶. В дальнейшем философ и публицист Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) наряду с другими положениями концепции Н.Я. Данилевского критиковал и этот закон. Он отметил, что «действительное движение истории состоит главным образом в этой передаче. Так, возникший в Индии буддизм был передан народам монгольской расы и определил собою духовный характер и культурно-историческую судьбу всей Восточной и Северной Азии; разноплеменные народы передней Азии и Северной Африки, составлявшие, по Данилевскому, несколько самостоятельных культурно-исторических типов, усвоили себе сперва просветительные начала эллинизма, потом римскую гражданственность, далее, христианство и, наконец, религию аравийского пророка; христианство, явившееся среди еврейского народа, даже в два приёма нарушило мнимый "исторический закон", ибо сначала евреи передали религию греческому и римскому миру, а потом эти два культурно-исторических типа ещё раз совершили такую недозволенную передачу двум новым типам: германо-романскому и славянскому, помешав им исполнить требование теории и создать свои собственные религиозные начала»¹⁷.

Абсолютизация Н.Я. Данилевским роли языкового родства вызывает ряд возражений. Во-первых, здесь совершенно не принимается в расчет степень культурной близости этнических общностей (причем не в последнюю очередь связанной с религией) и не учитывается тот факт, что языковое родство народов далеко не всегда означает близость их культур. Во-вторых, формирование языков и этнических общностей невозможно представить себе исключительно как процесс дивергенции некоего первоначального единства. Во многих случаях такое формирование происходило в ходе взаимодействия общностей – языковых, конфессиональных, культурных, вообще говоря, этнических, которые необязательно изначально были родственными. Гораздо более плодотворными в данном отношении являются выдвинутые уже в середине XX века понятия хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей¹⁸.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 130.

¹⁷ Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т., Т. 2. М., 1990. С. 410. Цит. по: Белик Константин. Критика В.С. Соловьёвым концептуальных идей Н.Я. Данилевского // <http://www.rodon.org/belik/kvsskinyad.htm>.

¹⁸ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.

Автор данной концепции сознательно оставляет без рассмотрения такие народы, которые «не жили самостоятельную историческую жизнь, потому ли, что вовсе не имели для сего внутренних задатков, или потому, что обстоятельства для них сложились неблагоприятно». По его словам, «такие племена, – как например Баски в Испании и Франции, Кельты княжества Валисского (Уэльс.– *Прим. авт.*) и наши многочисленные финские, татарские, самоедские, остяцкие и другие племена, – предназначены к тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно с тою историческою народностью, среди которой они рассеяны, ассимилироваться ею и служить к увеличению разнообразия ее исторических проявлений. Эти племена имеют без сомнения право на ту же степень личной, гражданской и общественной свободы, как господствующая историческая народность, но не на политическую самостоятельность; ибо, не имея ее в сознании, они и потребности в ней не чувствуют, и даже чувствовать не могут»¹⁹. В данном случае Н.Я. Данилевский совершенно не учитывает, что в процессе дальнейшего исторического развития, которое он постоянно признает²⁰, такая потребность вполне может появиться, а вслед за этим возникнут и общественные движения, которые поставили своей целью реализацию данной потребности.

Так в качестве народов, которые «нигде не выказывают ни малейшего поползновения соединиться в особую политическую группу» он называет евреев и армян²¹, а эстонцы, по его словам, желают «слиться с русским народом, если бы мы сами не поставляли тому преград»²². Что касается евреев, то немногочисленные еврейские переселенцы в Палестине (так называемая «первая алия») появились там в 80-е годы XIX века, тогда как идея сионизма, т.е. создания еврейского государства, была выдвинута позже – в самом конце XIX века, а активно стала реализовываться уже после Второй мировой войны. Что касается армян и эстонцев, то в этих случаях катализатором возникновения независимых государств стали события Первой мировой войны. Наконец, так и остался благопожеланием призыв Н.Я. Данилевского в отношении славянских народов о том, что «для всякого Славянина: Русского, Чеха, Серб, Хорвата, Словенца, Словака, Булгара (желал бы прибавить и Поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага»²³. Таким образом, на данных примерах можно видеть соотношение значения идеологических конструкций, выдвигаемых представителями той или иной этнической общности, и внеэтнических факторов, связанных с перипетиями мировой политики.

¹⁹ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 24.

²⁰ См., напр.: Там же. С. 88.

²¹ Там же. С. 239–240.

²² Там же. С. 239.

²³ Там же. С. 133.

Можно отметить еще некоторые высказывания Н.Я. Данилевского по поводу так называемого польского вопроса. Здесь и его высказывания о «неспособности Поляков к государственной жизни»²⁴, о том, что «Польский вопрос не может получить окончательного решения вне общего решения всех Славянских вопросов»²⁵, а «независимость Польского государства была бы гибелью польского народа, поглощения его немецкою народностью»²⁶, и наконец, что Польша может найти «благоприятный исход ее долгих томлений – единственно в недрах Всеславянского союза, в тесном единении и дружбе с Россией»²⁷.

При более детальном рассмотрении вызывает сомнения и сама идея выделения именно тех десяти культурно-исторического типов, которые перечислены автором. Насколько, например, может считаться единым германо-романский тип, во-первых, в силу уже упомянутого уточнения, что языки, на которых говорят народы, относящиеся к одному типу, должны быть настолько близки, «чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий»²⁸, а во-вторых, в силу того, что, как отмечает Н.Я. Данилевский, «Англичане вполне основательно смеются над Немцами, имеющими претензию лучше их самих понимать Шекспира, и не так бы еще посмеялись Греки над подобными же претензиями относительно Гомера или Софокла; точно так же, никто так по-Бэконовски не мыслил – как Англичане, или по-Гегелевски – как Немцы»²⁹. В другом месте своей работы они признает, что «трудно научить француза и англичанина хорошо думать на немецкий лад, и наоборот, – еще труднее должно быть это для славянина, ибо разделяющее их этнографическое расстояние – значительнее»³⁰. Но кто измерял это расстояние и в каких единицах и как это следует делать? В XIX веке вряд ли кто-то задавался такими вопросами.

Далее. Почему больше никакие народы на Земле не могут образовать другие культурно-исторические типы помимо перечисленных десяти? Например, армяне или грузины? Монголы эпохи монгольских завоеваний? Турки-османы? И наконец, существует ли действительно четкая грань, которая отделяла бы культуры, которые могут быть названы культурно-историческими типами, от таких, которые под это понятие не подходят?

Выделяя четыре «разряда культурной деятельности»: религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую³¹, Н.Я. Данилевский говорит о том, что «первые культуры»: египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую и иранскую – можно назвать первичными, так как они не проявили себя в особенности ни в одной из перечисленных сторон человеческой деятельности,

²⁴ Там же. С. 240.

²⁵ Там же. С. 425.

²⁶ Там же. С. 426.

²⁷ Там же. С. 442.

²⁸ Там же. С. 96.

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ Там же. С. 542.

³¹ Там же. С. 516.

а были культурами подготовительными³². Еврейский культурно-исторический тип Н.Я. Данилевский называет «не только преимущественно, но даже исключительно религиозным»³³, тогда как, по его мнению, «эллинский был типом культурным, и притом преимущественно художественно-культурным»³⁴, а римский – политическим³⁵. Эти три культурно-исторических типа, каждый из которых, согласно Н.Я. Данилевскому, развил только одну из сторон культурной деятельности, он характеризует как «одно-основные»³⁶. В то же время германо-романский тип, по его мнению, является «дву-основным», политико-культурного типа, «с преимущественно научным и промышленным характером культуры»³⁷. (Об аравийском типе Н.Я. Данилевский в данном случае умалчивает.) Что же касается славянского культурно-исторического типа, то Н.Я. Данилевский говорит о его возникновении как о деле будущего, но считает, что он будет первым полным *четырёх-основным* культурно-историческим типом, имея в виду все четыре стороны культурной деятельности³⁸.

Н.Я. Данилевский выступает за создание Всеславянского союза государств, аргументируя это тем, что «бороться с соединенной Европой может только соединенное Славянство»³⁹, недооценивая внутриевропейских противоречий и не предвидя, что в предстоящих в XX веке двух мировых войнах Европа будет расколота. В такой союз, по его мнению, помимо славянских стран должны войти также Румыния, Греция, Венгрия, а Царьград (Константинополь) станет его центром⁴⁰. Характерно даже его отношение к современному имени этого города: «Теперешнее название *Стамбул*, данное ему Турками, не имя, а позорное клеймо. Оно не получило всесветного гражданства, оставшись только местным, и должно исчезнуть вместе с завоевателями. Оно имеет характер эпизодический, как и самая роль Турок в восточном вопросе есть только вставочный эпизод, да и роль всего Магометанства – эпизод во всемирной истории. Но Босфорская столица, сказали мы, не только город прошедшего, но и будущего. И славяне, как бы предчувствуя его и свое величие, пророчески назвали его *Цареградом*. Это имя, и по своему смыслу, и потому, что оно славянское, есть будущее название этого города»⁴¹. Таким образом, начиная с возмущения несправедливым отношением к славянам со стороны других европейских стран, Н.Я. Данилевский приходит к идее создания такого политического союза, в котором уже славяне занимали бы господствующее положение по отношению к другим национальностям.

³² Там же. С. 516–517.

³³ Там же. С. 518.

³⁴ Там же. С. 519.

³⁵ Там же. С. 522.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 525.

³⁸ Там же. С. 556.

³⁹ Там же. С. 463.

⁴⁰ Там же. С. 424.

⁴¹ Там же. С. 401.

Ряд положений, высказанных Н.Я. Данилевским, выглядят сегодня как анахронизмы. Однако в одних случаях высказанные им взгляды были в то время общепринятыми, например, отнесение к русскому народу «их галицких и угорских единоплеменников», т.е. жителей Львовщины и Закарпатья⁴². Интересно также, что он отмечает «существование самобытного государства Соединенных Штатов», которое «указывает... на зародившееся только образование новой национальности, совершенно различной от английской»⁴³.

Нередко используемая Н.Я. Данилевским аргументация вызывает сомнения. Так, он говорит о том, что славяне перешли от «периода их этнографической жизни в период исторический» на несколько веков позже германцев, но в качестве аргумента приводит не характер их общественных отношений (о чем он вообще умалчивает), а факт перевода библии на славянский язык, сделанный Кириллом и Мефодием на пять столетий позже перевода ее на готский язык Ульфиллой⁴⁴. Однако готская библия, использовавшаяся в Королевстве Вестготов на Пиренейском полуострове до арабского завоевания, затем была утрачена и не оказала никакого влияния на развитие языка и культуры других германских народов.

Немало в книге Н.Я. Данилевского и других частных ошибок. Так, включая финикийян в один культурно-исторической тип с жителями Двуречья⁴⁵, он не учитывает, что их язык относился к западносемитским, тогда как аккадский, на котором говорили в Вавилоне и Ассирии, – к восточносемитским языкам. Распространение «Китайской цивилизации... между Японцами» он объясняет тем, что они были «вероятно, переселенцами из Китая»⁴⁶. Это вступает в противоречие с отмеченным самим Н.Я. Данилевским особым значением языкового родства, для которого первостепенную роль играют «формы языков (односложные, приставочные, сгибающиеся)»⁴⁷, т.е. в современной терминологии изолирующие, агглютинативные и флективные. Ведь китайский язык относится к изолирующим, а японский – к агглютинативным языкам. Впрочем, эта ошибка автора может быть объяснена тем, что на протяжении значительной части XIX века Япония была закрытой для иностранцев страной, в связи с чем знание о ней в России не было столь актуальным. Чувашей автор относит к финским народам⁴⁸, что иногда встречалось и у других авторов.

Чрезмерно оптимистичными спустя полтора столетия после написания «России и Европы», особенно после военных конфликтов 20-х – 40-х годов XX века, серьезно испортивших отношения с Финляндией,

⁴² Там же. С. 24.

⁴³ Там же. С. 241.

⁴⁴ Там же. С. 540.

⁴⁵ Там же. С. 91.

⁴⁶ Там же. С. 97.

⁴⁷ Там же. С. 88.

⁴⁸ Там же. С. 239.

выглядят слова Н.Я. Данилевского о роли России для развития финской культуры: «Сделанное Россией для финской национальности будет без сомнения оценено беспристрастными людьми»⁴⁹.

Поэтому включение таких народов, которые не имели «политической самостоятельности» в состав русских княжеств, а затем Русского государства Н.Я. Данилевский не считает возможным считать завоеванием⁵⁰. «Славяне никогда их не покоряли: с самого начала истории, племена их являются в дружном союзе с племенами славянскими и сообща кладут основание государства»⁵¹. В действительности включение этих народов в состав русских княжеств, а затем Русского государства не всегда происходило мирным путем. Проникновение русских в область Среднего Поволжья сопровождалось столкновениями их как с мордвой, так и с «черемисами» (марийцами)⁵². О татарах и говорить нечего. Завоевание Казанского ханства стало одним из ключевых моментов русской истории. Кстати, считая, что ассимиляция нерусских народов в составе России – это лишь вопрос времени, Н.Я. Данилевский говорит в основном о народах, говорящих на финских языках. Нигде в этом плане не упоминаются татары, башкиры, киргизы (как тогда называли казахов), то есть народы, исповедующие ислам. Почему – читателю оставалось только догадываться.

В целом работа Н.Я. Данилевского не столько представляла собой анализ реальных процессов, сколько отражала мечты автора о будущем, в значительной степени носившие умозрительный характер. И, наконец, еще об одном «замечательном» предсказании Н.Я. Данилевского. «...Свойства Русского народа составляют внутреннюю причину того, что Россия есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и по всей вероятности никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции, имеющей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объема власти или части ее каким-либо сословием, или всею массою граждан, – изгнание законно царствующей династии и замещение ее другою»⁵³. Комментарии излишни.

Нет ничего удивительно в том, что Н.Я. Данилевский с его идеей общеславянского единства не придает, по-видимому, большого значения различиям между русскими, украинцами и белорусами. С его точки зрения, «великорусское», «малорусское», включая жителей Галиции и Закарпатья, не входивших в состав Российской империи и «белорусское» племя – это части русского народа⁵⁴.

⁴⁹ Там же. С. 25.

⁵⁰ Там же. С. 24.

⁵¹ Там же. С. 239.

⁵² См., напр.: СММ Нижегородская, 1863. С. XXIII; СММ Казанская, 1866. С. LXVII; Боровиков С.В. Черемисские (Марийские) войны в отечественной и зарубежной историографии // Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики», Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 6; Пискаревский летописец. С. 71, 121, 122, 152; Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. С. 27–29; его же: Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Том VIII, вып. 2. Казань, 1890. С. 60; его же Восточные Финны. Историко-этнографические очерки. Т. I. Приволжская, или Булгарская группа. Ч. 2. Мордва. Казань, 1895. С. 62–64, 71.

⁵³ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 534.

⁵⁴ Там же. С. 24, 446.

Языковые же различия между ними, с его точки зрения, – это различия того же порядка, что и между двумя основными наречиями немецкого языка. «...народ русский, несмотря на различие в наречиях великорусском, малорусском и белорусском, или народ немецкий, несмотря на более сильное различие в наречиях верхне- и нижне-немецком, должны составлять самостоятельные однородные политические целые, называемые государствами»⁵⁵. В другом месте он сравнивает различия между восточнославянскими народами с различиями между англичанами и шотландцами. «Шотландцы составляют лишь незначительный племенной оттенок в Англосаксонском племени, так как у нас Великорусы, Малорусы и Белорусы, следовательно, и Смит – английский ученый, точно так, как Вальтер Скотт – английский романист»⁵⁶. К слову сказать, такую позицию, согласно которой эти три «племени» являются подразделениями русского народа, а, следовательно, понятия «восточные славяне» и «русские» суть синонимы, разделяли в то время и другие авторы, например, литературовед и этнограф, автор четырехтомной «История русской этнографии» Александр Николаевич Пыпин (1833-1904), который писал, в частности, о трех отраслях русского племени (великорусском, малорусском и белорусском)⁵⁷.

По поводу того, что представление о русских и украинцах как об отдельных народах еще в начале XX века не стало общераспространенным, интересное свидетельство приводит историк Алексей Миллер: «Действительно, чтобы убедиться в том, что силу украинского национального движения нельзя недооценивать, достаточно сравнить его с белорусским. Но и преувеличивать эту силу также не стоит. Вплоть до революционных времен оно так и не стало массовым. Е. Чикаленко, сам украинофил, не без иронии заметил в своих мемуарах, что если бы поезд, в котором в 1903 г. ехали из Киева в Полтаву делегаты на открытие памятника Котляревскому, потерпел крушение, то это означало бы конец украинского движения на многие годы, если не десятилетия — практически все его активисты помещались в двух вагонах этого поезда»⁵⁸.

Заслуживают внимания и многие другие работы, из которых в данном случае хотелось бы обратить внимание на брошюру генерал-лейтенанта Павла Осиповича Бобровского (1832–1905) – военного юриста, историка и этнографа «Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян западной России (По поводу этнографического атласа западно-русских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта)». В этой работе, как и в работах других авторов,

⁵⁵ Там же. С. 107.

⁵⁶ Там же. С. 147.

⁵⁷ См., напр.: Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. С. 6.

⁵⁸ Миллер А. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб, 2000 (заключение). Цит. по: <http://ukrhistory.narod.ru/texts/miller-finish.htm>

белорусы и малороссы (украинцы) рассматриваются как части «русского племени»⁵⁹, а ценность ее состоит в том, что автор рассмотрел в ней различные точки зрения на то, как следует определять этнический состав населения этой территории в зависимости от того, какое значение при этом придается языку и вероисповеданию⁶⁰. В свою очередь статистические данные не могли не влиять на этническую политику, а, следовательно, на будущее этого края.

На волне интереса к историческим судьбам славянских народов со стороны ряда деятелей науки и культуры в апреле–июне 1867 г. в Москве была организована Всероссийская этнографическая выставка. Она включала три отдела: а) отдел групп, изображавших «племена», населяющие Россию и соседние с нею славянские земли; б) отдел общий этнографический; в) отдел антропологический и археологический. Выставка не была официальным мероприятием, однако правительство оказывало ей большую организационную поддержку, и даже сам царь Александр II ее посетил. К выставке был приурочен славянский съезд, организованный Московским славянским благотворительным комитетом. Среди европейских славян данное событие вызвало ожесточенные споры между сторонниками съезда и его противниками, не допускавшими даже мысли о поездке в «Мекку панславизма» спустя четыре года после подавления польского восстания⁶¹.

В 20–30-е годы XX в., когда в Советском Союзе одним из основных официальных лозунгов была солидарность с пролетариями всего мира, панславизм был «не в фаворе» и даже мог рассматриваться как проявление враждебной идеологии. Ситуация резко изменилась с началом Великой Отечественной войны. В октябре 1941 г. был создан Всеславянский комитет, в состав которого вошли русские, украинские (включая Закарпатье), белорусские, чешские, словацкие, польские, сербские, македонские, черногорские, хорватские, словенские, общественные деятели. (В 1947 г. преобразован в Славянский комитет СССР, который существовал до 1962 г.)⁶². В 1942–1958 гг. выходил журнал «Славяне». В начале 1947 г. в системе Академии наук СССР был создан Институт славяноведения.

Глубина исторической перспективы, как в отношении прошлого, так и в отношении будущего, отчетливо выявляется при анализе истории возникновения и развития этнических категорий, что показало обсуждение статьи Андрея Владимировича Головнева «Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера)», проведенное журналом «Этнографическое обозрение» в 2012 г. Автор статьи пишет: «Номенклатура малых народов сложилась из реальной этнографии, но с вкраплением

⁵⁹ В работе речь идет о 10 губерниях: Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Волынской, Киевской и Каменец-Подольской, т.е. о западной Латвии, Литве, Белоруссии и северо-западной Украине.

⁶⁰ Бобровский П. Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян западной России (По поводу этнографического атласа западно-русских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта). СПб., 1864. С. 2, 3, 7–15.

⁶¹ Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 29, 30, 50, 98, 109–110, 99–108 и др.; Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 285–286, 318–320.

⁶² Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. Цит. по: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kik00.php

политических и персональных предпочтений»⁶³. При этом имели место как разукрупнение тех этнических категорий, которые использовались до революции, так и их укрупнение. В первом случае можно назвать «самоедов», которые «были преобразованы в три народа (ненцы, энцы, нганасаны)» и остяков, которые были разделены на хантов, селькупов и кетов, но на других основаниях. При этом «если остяки действительно разнились по языку, то самоеды от Белого моря до Енисея представляли собой довольно монолитную по языку и культуре общность». Выделение энцев «произошло во многом благодаря установкам этнографа Б.О. Долгих, проведенного в устье Енисея перепись 1926 г.: позднее акт обособления стал фактом самосознания».

Обратный случай связан с «деятельностью этнографов Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых, которые сочли возможным объединение нарымских и тазовско-туруханских остяков (остяко-самоедов) в один народ», названный ими селькупами, несмотря на отсутствие у них общей идентичности. Тем не менее, некоторые группы в течение десятилетий так и не принимали этого этнонима в качестве самоназвания⁶⁴.

Как отмечает А.В. Головнев, «закат советского проекта совпал с глобальным ментальным сдвигом от модернизма к постмодернизму»⁶⁵. Стихия постмодерна – конкуренция множества проектов, настроенная не на победу одного из конкурентов, а на их долгосрочный диалог. «среди расшатанных метанарративов модерна оказалась и системная категория “этнос”. Однако слом метанарративов произошел не полностью, не для всех и, наверное, не навсегда».

Этнологический парадокс постмодерна состоит в том, что при кризисе конструкта “этнос” случился бум этничности. Это совпало по времени (1990-е годы) с расцветом национальных и националистических движений, с уходом из жизни рядом выдающихся советских североведов, и со сменой круга интересов этнографов, изучавших народы Севера, – от вопросов этногенеза и этнической истории к фольклору, орнаменту, сакральному пространству, этнической этике⁶⁶. В заключительной части статьи А.В. Головнев, в частности, пишет: «Этничность – не косная традиция, а постоянно генерируемое явление. Эта возобновляемость обусловлена персональной и групповой стратегией самоопределения и безопасности»⁶⁷.

Подводя итог дискуссии, А.В. Головнев не оставляет без внимания высказывания С.В. Соколовского относительно неприменимости этничности к эпохам до XIX века: «В соотношении традиций и новаций особое место принадлежит этничности, которую одни склонны относить к стойким традициям (примордиалисты), другие – к недавним новациям (конструктивисты). В действительности она сочетает оба свойства, будучи устойчивой и обновляемой. В полемическом эссе С.В. Соколовского

⁶³ Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 4.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 6.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 11.

ставится под сомнение применимость понятия этничности к историческим реконструкциям. По его мнению, этничность – плод недавнего (с начала XIX в.) “шестивия этнонационализма”, а прежним эпохам были свойственны иные формы идентичности (локальность, сословность, потестарность, конфессиональность). Внедрение “этничности” в эти эпохи видится ему “актом концептуальной колонизации”. Подобная щепетильность была бы оправдана, когда бы древняя история действительно молчала о народах, ограничиваясь топографией, сословиями, царями и пророками. Но она полна этнографии – достаточно открыть Геродота и прочесть его красочные описания народов античной ойкумены. “История” даже создает впечатление, что ее автор сверх меры увлечен этничностью. Остается либо заподозрить логографа в нарочитой этнизации истории, либо саму историю в насыщенности этничностью. Всякий раз, когда персидский царь, египетский фараон или эллинский номарх отправляется в поход, тут же рисуется обстоятельная этнографическая картина. При характеристике мотивов действий Кира, Дария и Ксеркса непременно указываются этнические корни их союзников и противников. Судя по всему, этнография представлялась Геродоту и его современникам стратегически и тактически значимой, и этничность тех времен содержала куда больше проекций, чем распознается сегодня. И уж если искать виновных в “актах концептуальной колонизации” по статье “этничность”, то первым в списке окажется сам отец истории. Соколовский завершает свое эссе назиданием: “интерполяция (этничности в глубь веков. – А.Г.) не исторична, и историка вряд ли красит”. Оценочный тон не добавляет веса академическому журналу и его редактору, но еще печальнее хладнокровие, с которым этнолог опустошает свою профессиональную ниву, априори отказывая этничности в древности и основательности»⁶⁸.

Еще один сюжет, который нельзя не упомянуть в рамках обсуждаемой темы, – негативные прогнозы относительно будущего межэтнических отношений, встречавшиеся в трудах конца XIX века.

Так, чиновник и публицист А.А. Велицын (по-видимому, псевдоним Александра Александровича Палтова) (1867–?) опубликовал в 1893 г. книгу «Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России».

Объехав в 1890-е годы восемь губерний и областей от Бессарабии до Каспия и посетив лично около 250 из 513 немецких колоний⁶⁹, автор рисовал сложившуюся картину в весьма негативном ключе. Речь шла не только об экономическом закабалении немецкими колонистами русского и украинского населения, о захвате их лучших земель и пастбищ, об уничтожении их скота, о ростовщичестве и др., но и о языковой ситуации, когда с колонистами, не собирающимися учить русский язык, местные крестьяне, превратившиеся в их батраков, вынуждены были общаться по-немецки»⁷⁰.

⁶⁸ Головнев А.В. О традициях и новациях: признательность за дискуссию // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 85–86.

⁶⁹ Там же. С. 1, 139.

⁷⁰ Там же. С. 23–24.

Автор пишет: «Чуждыми были для них в 1790 году интересы и нужды России, одинаково чужды им и в настоящее время горе и радость нашего отечества. Совершенно изолированными жили и продолжают они жить среди народа, оказавшего им столь широкое гостеприимство; не у нас их симпатии, и счастье и благо России – не их задачи. Мало того, за последнее время, выходя из безразличной и пассивной роли, они все более начинают выказывать прямо неблагоприятное отношение ко всему русскому, гордо заявляя всеми своими поступками о своей духовной связи с Vaterland‘ом.»⁷¹.

В заключение А.А. Велицын призывает к прекращению «тем или иным способом ненормального положения Немецких колоний на юге России и неустанного роста немецкого землевладения в нашем отечестве»⁷².

Интересны также некоторые прогнозы, которые сделаны в многотомном издании «Земля и люди. Всеобщая география», вышедшем под руководством выдающегося французского географа и историка Элизе Реклю (1830–1905). Из 19 томов этого издания два – пятый и шестой – были посвящены Российской империи. Любопытно, что его характеристика российских немцев в чем-то соотносится с мнением Велицына, но в отношении евреев, которых он считал опорой для немцев в России, он ошибся, поскольку не мог во второй половине XIX века предвидеть возникновения такого явления как нацизм⁷³. Другой его прогноз – неизбежное, на его взгляд, столкновение России с Англией в Центральной Азии⁷⁴.

Будущее науки

Этот раздел статьи хотелось бы начать, вспомнив о таком выдающемся отечественном ученом, каким был географ, антрополог, этнограф, археолог Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), человек, пользовавшийся большим авторитетом среди коллег, причем не только в России. Необходимо отметить при этом, что владея разносторонними знаниями и методикой столь различных научных дисциплин, он мастерски сочетал их в своих трудах. В своей программной статье⁷⁵ он призывал перейти от бесконечного накопления фактов к их систематизации и обращал внимание на значение этнографических знаний не только для науки, но и «в общеобразовательном, практическом и общественном отношении»⁷⁶.

⁷¹ Там же. Ук. соч. С. 2.

⁷² Там же. С. 282.

Четверть века спустя, в 1918 г., по-видимому, тот же А.А. Палтов был заместителем министра иностранных дел в прогерманском марионеточном правительстве гетмана Скоропадского на Украине и его личным советником, а после поражения Германии в Первой мировой войне вынужден был бежать за границу, где следы его теряются (https://ru.wikipedia.org/wiki/Палтов,_Александр_Александрович).

⁷³ Реклю Э. Россия Европейская и Азиатская. С дополнениями и исправлениями. Том I-й. Европейская Россия. До Урала. СПб, 1883. С. 468.

⁷⁴ Там же. С. 32.

⁷⁵ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии (Несколько справок и общих замечаний) // Этнографическое обозрение. 1889. №1.

⁷⁶ Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 360.

Важным направлением в отечественной этнографии было и остается этническое картографирование. Капитальным трудом в этом направлении стала классическая работа Павла Ивановича Кушнера (Кнышева) (1889–1968) «Этнические территории и этнические границы» (1951)⁷⁷. В книге фундаментально рассмотрены вопросы об этнических границах, об их трансформации в ходе исторического процесса и об их соотношении с границами естественными, об этнических определителях в переписях стран зарубежной Европы и Советского Союза, о методах определения этнического состава населения в районах смешанного расселения и методах его картографирования. П.И. Кушнер (Кнышев) являлся сторонником комплексного метода определения этнических территорий, учитывающего не только различные показатели, но и исторические особенности формирования нынешней картины расселения народов. В дальнейшем отечественные этнографы (В.И. Козлов и др.) в значительной степени опирались на подходы, о которых писал П.И. Кушнер (Кнышев). Однако, данный взгляд на картографирование отражает лишь ситуацию для сельского населения. В тех же случаях, когда значительная часть какого-либо народа переселяется в город, необходимо искать новые подходы для того, чтобы наглядно представить себе современную картину расселения.

Что касается будущего самой этнологической науки, то в таком полиэтническом обществе, как российское, вопросы, которые она изучает, по-видимому, еще долго будут оставаться актуальными, и поэтому потребуют постоянного привлечения специалистов. Важно при этом, во-первых, чтобы запрос на их участие продолжал осознаваться обществом и государством, а, во-вторых, чтобы профессиональный уровень самих этнологов (этносоциологов, этнодемографов, этноэкологов и всех, кто занимается этнической проблематикой) соответствовал поставленным задачам.

В этом отношении в качестве позитивного примера можно назвать неоднократное участие экспертов-этнологов в анализе и разработке инструментария переписей населения, начиная с середины XIX века до наших дней.

Так, еще в 1848 г. известный отечественный историк, географ, этнограф, демограф и статистик Петр Иванович Кёппен (1793–1864) написал статью «О народных переписях в России»⁷⁸, посвященную истории переписей, начиная с XIII века и заканчивая VIII ревизией, которая проводилась в 1833 г. В данной работе, в том числе, содержались рекомендации в отношении подготовки и проведения следующей IX ревизии (1850–1851 гг.). Однако, вопросы, о которых шла речь в статье, в то время не подлежали обсуждению в печати, и поэтому статья была опубликована лишь спустя 25 лет после смерти автора – в 1889 г.

⁷⁷ Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951; см. также: Алымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006. С. 138–169.

⁷⁸ Кёппен П.И. О народных переписях в России // Записки Императорского Русского Географического Общества. По Отделению Статистики. Том шестой. СПб, 1889.

В 1864 г. была опубликована работа Артура Богдановича фон Бушена «Об устройстве источников статистики населения в России»⁷⁹, один параграф которой также был посвящен организации ревизий в России (стр. 60–72), а на исходе XIX века появилась книга студента Санкт-Петербургского университета Владимира Васильевича Пландовского «Народная перепись»⁸⁰, на страницах которой истории проведения ревизий в России также уделено немало места (стр. 210–272). Автор последней работы достаточно невысоко оценивал труды своих предшественников – и Бушена, и, особенно, Кёппена (стр. VI) и указывал их отдельные ошибки. Тем не менее, ни Бушен, ни Пландовский не уделили вообще в своих работах должного внимания этнической статистике за исключением случаев, когда при перечислении категорий населения, не подлежащих ревизскому учету, в их числе назывались и некоторые этносословные группы, а также и тех случаев, когда упоминались какие-либо этнические группы, которые официально были отнесены к сословию инородцев. В то же время как в упомянутой работе П.И. Кёппена, так и в его книге «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году»⁸¹ не только многократно рассматривался вопрос о категориях населения, не подлежащих ревизскому учету, но и приводились имевшиеся на тот момент у автора сведения об этническом составе населения по этносословным и конфессиональным группам по губерниям. По этой причине начало изучения этнической статистики на основании данных переписей (ревизских сказок) в России, по нашему мнению, следует связывать именно с именем П.И. Кёппена.

Что же касается всех последующих ревизий, а затем и переписей населения, то тема их проведения и участия этнографов / этнологов в их подготовке требует отдельного большого исследования. Отметим лишь, что их участие в подготовке переписей имеет место и в наши дни. Так, этнологи приняли активное участие в подготовке инструментария и анализе результатов Всероссийской переписи населения 2010 года⁸².

Во второй половине 1960-х гг. на стыке социологии и этнологии возникает принципиально новое направление – этносоциология, в центре внимания которого находится соотношение социальной и этнической структуры общества. В 1971 г. была опубликована книга Ю.В. Арутюняна «Социальная структура сельского населения СССР»⁸³, которая подводила итог масштабному исследованию, проведенному в 1966–1967 гг. в ряде регионов, в том числе и в Татарской АССР, и которое, следовательно, явилось первым этносоциологическим исследованием, поскольку одним из вопросов, изучавшимся в данной республике, было сравнение процессов динамики социальной структуры у русских и татар. В этом отношении первостепенное внимание в данной работе обращалось

⁷⁹ Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864.

⁸⁰ Пландовский Вл. Народная перепись. СПб., 1898.

⁸¹ Кёппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857.

⁸² Этнологический мониторинг переписи населения. Под ред. В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011.

⁸³ Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

на процессы сближения показателей социальной структуры у двух народов, как и в большинстве других автономных и союзных республик, но при этом предполагалось, что ее осуществление произойдет не очень скоро, и поэтому мог еще не возникать вопрос о том, что будет происходить после того, как эти структуры сблизятся, а существующие тенденции сохранятся. Тем более, никто не ожидал изменений в сфере политики конца 1980-х – начала 1990х годов. Однако время показало, что сохранение этих тенденций приведет к положению, при котором опережающие позиции в социальной структуре будут занимать уже титульные национальности республик. В дальнейшем подобные же исследования были проведены и в других республиках Советского Союза (и союзных, и автономных). В центре внимания этносоциологов находятся такие темы как влияние этнического фактора на социальную структуру и миграцию населения, а социального фактора – на этническое самосознание и межэтнические отношения, этноязыковые процессы, межэтнические противоречия и конфликты и др.⁸⁴

Статистико-этнографическое (статистико-этнологическое) направление в этнологии, основателем и лидером которого был В.В. Пименов, по методам исследования занимало позиции достаточно близкие к этносоциологическому, однако имелся ряд отличий, из которых здесь имеет смысл упомянуть два. Во-первых, в рамках этого направления этнос рассматривался как «относительно автономная, исторически возникшая, динамическая, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся сложная социальная система, компоненты которой – демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая – связаны отношениями числа, порядка, направления, интенсивности, координации и субординации, система, функционирование и развитие которой в конечном счете экономически детерминировано»⁸⁵. Анализ такой системы предполагал рассмотрение количественных (статистических) мер связи между переменными, характеризующими изучаемую этническую общность. С учетом этой цели проектирование выборки проводилось по несколько иной схеме, чем у этносоциологов. Во-вторых, в вопросниках, которые являлись основным инструментарием исследования, наряду с количественной кодировкой вариантов ответов на вопросы предусматривалась возможность фиксировать развернутые подробные ответы респондентов (интервьюеров) для последующего содержательного их анализа. Исследования, проведенные в рамках этого направления, давали большие возможности как для анализа

⁸⁴ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973; Социально-культурный облик советских наций. По результатам этносоциологического исследования. М., 1986; Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998; Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М., 1999; Сукоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006; Дробижина Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М., 2013; и др.

⁸⁵ Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 14.

сложившегося положения, так и для прогнозирования дальнейшего развития процессов и выработки соответствующих рекомендаций⁸⁶.

Рассмотрение вопросов, связанных с этнической ситуацией, должно предполагать серьезное, а не поверхностное знание об этнических общностях, являющихся объектами исследования. В противном случае даже профессиональные историки, не занимающиеся систематически этнической проблематикой, могут, взявшись за нее, неверно сформулировать исследовательскую задачу с самого начала, не говоря уже об окончательных выводах. Примеры таких ошибочных подходов приводит, в частности, историк Алексей Ильич Миллер:

«Тенденция к этнизации проявилась и в интересном исследовании Б.Н. Миронова по социальной истории России. Он полагает, что можно писать отдельно взятую социальную историю русских в империи. Социальную историю империи в целом Миронов ошибочно представляет как механическую сумму историй различных этнических групп, и также ошибается, когда утверждает, что взаимодействие между этническими группами касалось преимущественно элит – на всех окраинах империи и в Поволжье русские крестьяне, казаки, солдаты тесно взаимодействовали с представителями других этносов. Само название книги "Социальная история России периода империи" предполагает "вычленение" России из империи. Причем принципы этого вычленения кажутся Миронову настолько очевидными, что он ничего не сообщает о них читателю. Вся проблематика взаимодействия и взаимовлияния разных этнических групп, о которой так интересно писали в последнее время, равно как и тема неопределенности самого понятия "русский" и границ русской нации в имперский период выпадает, таким образом, из поля зрения. Полиэтническому аспекту истории государства посвящены лишь три десятка страниц двухтомной книги, и их трудно отнести к числу удачных фрагментов работы»⁸⁷.

И далее: «Этнизация (а точнее – концентрация на одной этнической группе при маргинализации остальных) – далеко не единственная, хотя и самая очевидная, проблема, которую сам по себе региональный подход никак не решает. Не так давно мне пришлось участвовать в обсуждении проекта группы российских историков, предложивших написать историю Поволжья в серии книг о различных окраинах Российской империи. Большинство этих людей было из Саратова и Самары. Лейтмотивом их проекта была роль Волги как транспортной артерии, особый тип волжского города и другие социально-экономические вопросы. Проект предполагал и рассмотрение национальных отношений, но лишь в той же узкой зоне вдоль обоих берегов Волги по всему ее течению. В результате ключевым национальным меньшинством в проекте становились немцы. Такой подход совершенно игнорировал уже довольно обширный корпус литературы, которая вполне обоснованно рассматривает столкновение различных

⁸⁶ Чуваша: современные этнокультурные процессы. М., 1988. См., напр.: С. 35, 43, 51, 61, 77, 86, 88–89, 96, 102, 117, 137, 140, 153–154, 169, 182–183, 209–210, 214, 215.

⁸⁷ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 20–21.

проектов формирования национальных или этно-конфессиональных идентичностей в Волжско-Камском регионе, то есть включает Приуралье как зону расселения башкир, которые были одним из главных объектов борьбы влияний между татарско-исламской и имперской стратегиями в вопросе формирования идентичностей местного населения. Этот пример ясно демонстрирует, что опасны не только попытки вообразить регионы через моноэтническую призму, но и попытки вообразить регионы без учета этнического фактора, а в общем – без учета структуры межэтнического взаимодействия»⁸⁸.

В то же время в настоящий момент возможности дальнейшего развития целого ряда направлений вызывают большие вопросы. В одних случаях это связано с тем, что проведение новых исследований требует больших затрат, а также с тем, что те исследователи, которые специализировались по этим направлениям, теперь занимаются другими вопросами (а некоторых, увы, уже нет в живых). Речь в данном случае идет об этносоциологических исследованиях (количество которых, во всяком случае, в рамках Института этнологии и антропологии РАН, резко сократилось) и о статистико-этнологических исследованиях. В других случаях причиной стало изменение геополитической ситуации. Так, появление и развитие целого ряда направлений науки было в свое время связано с включением в состав Российской империи новых территорий. В частности, выдающийся отечественный востоковед В.В. Бартольд отмечал, что начало серьезных исследований Казахстана и Средней Азии имело место после присоединения этих территорий к Российской империи⁸⁹. В связи с этим, возникает вопрос, что будет с изучением этих стран (имеется в виду, в научных центрах, расположенных в Российской Федерации) после распада Советского Союза.

Будущее этнической политики

В такой стране как Россия этнологи, как впрочем и специалисты, работающие в рамках многих других дисциплин, если только они не сосредотачиваются на чрезвычайно узком исследовательском поле, постоянно сталкиваются с большим разнообразием ситуаций, которые бывает сложно привести к какому-то одному «знаменателю» и которые требуют поэтому повышенного внимания к этому разнообразию, осложняющемуся еще и тем, что многое остается неизвестным, причем по мере того, как удастся что-либо выяснить и изучить, наши знания устаревают, и возникают новые «лакуны», которые требуют новых исследований.

Поэтому и политика в этнической сфере должна, во-первых, варьировать в зависимости от той или иной конкретной ситуации, во-вторых, оперативно реагировать на изменения в этой ситуации и,

⁸⁸ Там же. С. 21–22.

⁸⁹ Бартольд В. История изучения Востока в Европе и в России. Лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском университете. СПб, 1911. С. 218, 222–228 и др.

в-третьих, подкрепляться сведениями, полученными в результате специальных исследований и мониторингов, проведенных профессионалами.

Сведения об этнической ситуации в идеальном случае должны включать информацию об этническом, этноязыковом и этноконфессиональном (а желательно также этносоциальном) составе населения, его расселении (причем как можно более детально), о межэтнических отношениях, в том числе о распространенности этнически смешанных браков. Для анализа и прогнозов важную роль играют степень изученности этнической ситуации, система этнических категорий, которыми пользуются этнологи и статистики и др. Отсутствие тех или иных данных может помешать исследователю адекватно оценить текущее положение и повысить вероятность ошибок при прогнозировании динамики процессов и будущих изменений ситуации.

Важно учитывать также административное деление территории. На характер этнических процессов в стране в целом, также как на их локальные особенности не могли не повлиять создание союзных и автономных республик, автономных областей и национальных (с 1977 года – автономных) округов и ликвидация некоторых из них, также как и изменение их границ, принудительная депортация некоторых народов за пределы территорий, где они компактно проживали, и их возвращение обратно, добровольные миграции миллионов человек за пределы своих этнических территориальных образований (или, наоборот, в их пределы) и, наконец, изменения этнической самоидентификации, отраженные в переписях населения (а во многих случаях не отраженные в них).

Одной из важнейших сторон этнической политики в Российской империи – Советском Союзе – Российской Федерации в условиях полиэтничности и многоязычия является политика в сфере языка. Следует сразу заметить, что относительно либеральная линия в языковой политике могла иметь место вовсе не в те периоды, когда государство проводило более либеральную политику в других сферах, и наоборот, ужесточение линии государства в вопросах языка могло сочетаться с либерализацией в иных вопросах. Достаточно привести только два примера. Наиболее жесткая обрусительная политика в Царстве Польском началась при Александре II «Освободителе», что связано с Польским восстанием 1863–1864 гг., а в советское время, как отметил лингвист Владимир Михайлович Алпатов, «наиболее последовательным русификатором из высших советских руководителей» был Н.С. Хрущев⁹⁰. Отметим при этом, что в европейских странах языковая политика зачастую была намного более жесткой, чем в России⁹¹. При этом сторонниками образования на материнских языках в Российской империи чаще всего выступали православные миссионеры и некоторые представители немногочисленной русифицированной интеллигенции⁹².

⁹⁰ Алпатов В.М. Указ. соч. С. 30, 103.

⁹¹ Там же. С. 30.

⁹² Там же. С. 32–33.

После революции 1917 года развернулась огромная работа, целью которой было создание письменностей для всех народов страны. К ней привлекались наиболее выдающиеся языковеды. Считалось, что каждый народ должен получать школьное образование на своем родном языке. Поскольку господствовало представление о близости мировой революции, идеальной системой письма был признан латинский алфавит с включением дополнительных букв для специфических звуков данного языка. Однако, поскольку в ряде языков, в первую очередь родственных, имелись сходные фонемы, велась дополнительная работа по унификации алфавитов. Решались проблемы по выбору языковых норм. В результате, несмотря на то, что новые алфавиты нельзя было назвать безупречными, главное состояло в том, что огромные массы населения, которые до этого были неграмотными, впервые получили письменность, причем письменность на своих родных языках. Между тем, во-первых, как справедливо отметил Дж. Эдвардс, «языковое планирование – прежде всего социологическая задача, роль лингвистов в нем важна, но она скорее техническая»⁹³. Во-вторых, на данном этапе не уделялось должного внимания проблеме необходимости взаимопонимания носителей разных языков. В-третьих, увлечение латинизацией зашло настолько далеко, что в конце 20-х гг. разрабатывали уже алфавиты для старописьменных языков, никогда не пользовавшихся латиницей: грузинского, армянского, идиша и даже русского. Для лучшей координации разработок нового алфавита и усиления контроля со стороны Центра созданный в 1920-е гг. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) был переведен из Баку в Москву.

В дальнейшем этот процесс был свернут. Уже в 1930 г. была прекращена разработка алфавита на основе латинской графики для русского языка⁹⁴. К тому же становилось ясно, что мировую революцию в ближайшее время ждать не приходится, и был взят курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране, и такое видение будущего не могло не сказаться на языковой политике. В целом латинизация продолжалась, но на местах она в ряде мест вызывала недовольство населения⁹⁵. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 1 июня 1935 г. были переведены на кириллицу письменности для языков народов Севера⁹⁶. К 1935–1936 гг. в некоторых случаях начало сворачиваться и обучение на национальных языках, в первую очередь у нетитульных народов⁹⁷.

Окончательный поворот языковой политики произошел в 1937 г. ВЦКНА был распущен. В дальнейшем в СССР никогда не было органа, который бы специально занимался языковой политикой. Руководители и многие специалисты, работавшие в этой сфере, были репрессированы⁹⁸.

⁹³ Edwards J. Multilingualism. London – New York, 1994. P. 173; цит. по: Алпатов В.М. Ук. соч. С. 79.

⁹⁴ Алпатов В.М. Указ. соч. С. 71–72.

⁹⁵ Там же. С. 85.

⁹⁶ Там же. С. 87.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 88.

Переход на новые алфавиты – на основе кириллицы – проходил в сжатые сроки, обычно на это отводилось не более года. В разработке этих алфавитов «решающее слово оставалось за малокомпетентными местными властями, часто принимавшими непродуманные решения». Поскольку ВЦКНА уже не существовал, унификацией алфавитов уже никто не занимался, и качество их в отличие от алфавитов на основе латинице ухудшилось⁹⁹. Однако сейчас, спустя много лет эти народы уже привыкли к своему кириллическому письму, и оно, скорее всего, воспринимается в большинстве случаев как устоявшаяся традиция. Забегая вперед, можно отметить, что в постсоветский период в Чечне и в Татарстане предпринимались попытки вернуться к латинице¹⁰⁰, но 16 ноября 2004 г. Конституционный суд РФ признал право органа федеральной законодательной власти устанавливать графическую основу государственных языков народов России, отклонив тем самым попытки властей Татарстана перевести татарскую письменность с кириллицы на латиницу. С восстановлением контроля Российской Федерации над Чечней в 2000-е гг. там письмо на основе латинской графики, которое так и осталось на стадии разработки, также сменила кириллица.

В одних случаях введение кириллического алфавита происходило спустя короткое время после создания письменности на основе латиницы, просуществовавшей у ряда народов сравнительно короткое время¹⁰¹ и не оставившей заметных следов в памяти населения, которое до этого было вообще неграмотным. В других – латиница не была заменена ничем, и от введения письменности на этих языках отказались вообще¹⁰².

Будущее языковой ситуации в стране виделось теперь не столько в связи с мировым пролетариатом, сколько в распространении языка межнационального общения. 13 марта 1938 г. было принято постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»¹⁰³. Двадцать лет спустя – в 1958 г. – был нанесен еще один «удар» по образованию на менее престижных языках. Родители получили право выбора школы для своих детей, включая право выбора между русской и национальной школой¹⁰⁴. Однако за прошедшее время ситуация и представление многих о будущем, в котором предстоит жить их детям уже изменились. Поддержка национальных школ шла сверху, тогда как стремление к обучению на русском языке – снизу¹⁰⁵.

Имевшие место позже, в период «Перестройки» тенденции и стремления, связанные с желанием усилить роль национальных языков, отчасти напоминали языковую политику 20-х и первой половины

⁹⁹ Там же. С. 89.

¹⁰⁰ Там же. С. 158.

¹⁰¹ Там же. С. 87–88.

¹⁰² Там же. С. 91.

¹⁰³ Там же. С. 93.

¹⁰⁴ Там же. С. 106–107.

¹⁰⁵ Там же. С. 107.

30-х годов, однако на этот раз они не направлялись из центра, а возникали и развивались в республиках независимо друг от друга¹⁰⁶. Тогда и в дальнейшем ни власти республик, ни те, кто разрабатывают и осуществляют языковую политику, часто не имели четкого видения ситуации и не имеют перед собой ясных целей и задач этой политики, в том числе и в сфере образования. Так, в Калмыкии по данным рубежа 1980-х – 1990-х гг. школьников, не знавших ни одного калмыцкого слова, заставляли учить грамматику¹⁰⁷. И позже, несмотря на то, что какие-то изменения произошли, калмыцкий язык, по крайней мере, в городе, поддержки в семье не имел¹⁰⁸.

Там же, где местные языки не утратили своих позиций и лидеры языковых движений могут рассчитывать на массовую поддержку, главной целью этих движений является перераспределение власти. «Поначалу, пока стремящаяся к власти элита слаба, она выступает под культурными и языковыми лозунгами, легко находящими отклик в массах; если такое движение приобретает силу, оно становится политическим»¹⁰⁹. Что же касается нетитульного населения, в том числе в тех случаях, когда оно составляет большинство, то для многих из них «даже невозможность работать на руководящих должностях психологически кажется меньшим злом по сравнению с грозящей перспективой учить непрестижный адыгейский (или еще какой-то аналогичный) язык и пользоваться им в официальных ситуациях»¹¹⁰.

Необходимо отметить, что языковые процессы как в Советском Союзе, так и в нынешней Российской Федерации в целом протекают в том же направлении, что и в большинстве стран мира: более престижные языки вытесняют менее престижные¹¹¹. Последние сохраняются чаще всего в сельской местности, но, тем не менее, такие из них как башкирский, мордовский и многие другие далеки от «вымирания»¹¹². Что же касается исчезающих языков, то существует и такая точка зрения, согласно которой для сохранения исчезающих языков имеет смысл даже создавать резервации. Однако, как показал опыт США и Канады, «в условиях резерваций языки вымирают даже быстрее, чем вымирали в СССР»¹¹³. Высказывалось также мнение, что «многие языки малых народов России в самом благоприятном для них случае останутся языками бытового общения, а в качестве нормированного их носители будут использовать русский. А если так, то, действительно, главная забота русских

¹⁰⁶ Там же. С. 152.

¹⁰⁷ Там же. С. 150.

¹⁰⁸ Там же. С. 156.

¹⁰⁹ Sonntag S.K. *Elite Competition and Official Language Movement // Power and Inequality in Language Education*. Cambridge, 1995. P. 93–95; цит. по: Алпатов В.М. Указ. соч. С. 142.

¹¹⁰ Алпатов В.М. Указ. соч. С. 155.

¹¹¹ Там же. С. 84, 131.

¹¹² Там же. С. 123.

¹¹³ Там же. С. 162.

специалистов должна заключаться в борьбе за сохранение диалектов»¹¹⁴. Неясно, однако, как последнее предложение возможно было бы осуществить практически.

В отношении индустриальных центров, где на каком-то этапе могут господствовать языки, отличные от тех, на которых говорят в окружающей сельской местности, то, на наш взгляд, по мере переселения туда сельских жителей в них происходят сложные процессы языкового взаимодействия, в результате которых в одних случаях «победителем» становится один из этих языков, в других они сосуществуют (причем возможно разделение их функциональной роли), в третьих – складывается некий «суржик», на которых происходит общение представителей разных групп, в четвертых – прежние жители могут сориентироваться на отъезд в иную среду, и т.д. Поэтому и оказалось ошибочным предсказание И.В. Сталина, сделанное им в 1921 г., о том, что города Украины и Белоруссии неизбежно будут говорить по-украински и по-белорусски¹¹⁵.

Важным результатом этнической, в том числе языковой, политики стало формирование национального самосознания у одних групп населения, где до этого господствовали иные формы самоидентификации – локальные, сословные, конфессиональные и др., и исчезновение из официальных документов других идентичностей, которые с этого времени стали употребляться только на частном (неофициальном) уровне либо потому, что данные группы считались теперь частями более крупных национальностей (кряшены как часть татар, бесермяне как часть удмуртов и т.п.), или были разделены между разными национальностями, или переименованы. Все это соответствовало господствовавшему представлению о неизбежной консолидации наций и народностей.

Однако, нельзя сказать, что подобные ошибки были характерны только для отечественной науки. Так, если в отношении мордовского языка, по мнению некоторых специалистов, «перед революцией господствовала точка зрения о том, что исчезновение этого языка – лишь вопрос времени»¹¹⁶, а удмуртам, как уже говорилось выше, кое-кто еще в конце XIX века предсказывал полное обрусение, то и большинство работ, написанных западными учеными в более позднее время, демонстрируют недостаточное владение ими советским, также как и постсоветским материалом. «При разработке программ языкового планирования очень редко учитывается весьма разнообразный советский опыт»¹¹⁷, а прогнозы развития этноязыковой ситуации, которые западные специалисты делали до 1991 г., во всяком случае, по республикам Прибалтики, представляли собой экстраполяцию существовавших тенденций, и никто не предвидел того, что произойдет в действительности¹¹⁸.

¹¹⁴ Там же. С. 163.

¹¹⁵ См. об этом: Там же 41, 82.

¹¹⁶ Kreindler I.T. *The Mordvinian Languages: a Survival Saga // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future.* Berlin – New York – Amsterdam, 1985. P. 241–242; цит. по: Алпатов В.М. Указ. соч. С. 32.

¹¹⁷ Алпатов В.М. Указ. соч. С. 6.

¹¹⁸ Там же. С. 170.

По-видимому, следует согласиться с высказыванием В.М. Алпатова относительно того, что попытки решения назревших вопросов в сфере межэтнических отношений, а также в языковой сфере в период «Перестройки» часто принимались на дилетантском уровне¹¹⁹. Но вот с чем согласиться нельзя – это с тем, что в стране не было специалистов, в работах которых предпринимались попытки серьезно проанализировать происходившие процессы¹²⁰. Помимо «специалистов» от истмата, многочисленные книги и статьи которых носили философско-умозрительный характер этими вопросами занимались социологи (в первую очередь, этносоциологи) и этнологи, но к их голосам мало прислушивались.

В период 20-х – 30-х гг., наша страна была «пионером концепции образования на материнских языках»¹²¹. Хотя у нас позже произошел откат, и эти разработки были свернуты, данная концепция продолжает завоевывать популярность в мире, поскольку западная социолингвистика, начиная с 60-х гг., вторично открывала ту же проблематику¹²².

И, наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать в связи с обсуждением этноязыковых вопросов, но не последнее по важности. Остается открытым вопрос, что именно следует считать положительным решением языковых вопросов, если «то, что хорошо для языков в целом, может быть вовсе не хорошо для их носителей как индивидов, особенно с точки зрения материального благополучия»¹²³?

Общественные потребности не только постоянно ставят на повестку дня новые вопросы, но также побуждают вновь обратиться к сюжетам, которые уже неоднократно находились в центре внимания как исследователей, так и общественных деятелей, и которые каждый раз становятся темой оживленных дискуссий. Может привести только один пример – кряшены. Как их следует рассматривать – как субконфессиональную общность в составе волго-уральских татар, отличающуюся от большинства татар только тем, что они придерживаются православия, как полагает большинство казанских исследователей¹²⁴, или как отдельный народ, как считают кряшенские активисты¹²⁵. При этом в Татарстане таким спорам временами придается политический оттенок¹²⁶. Между тем данная проблема относится не только к сферам религиоведения и политики. Она имеет непосредственное отношение также к вопросам методологии исторических исследований, поскольку существует несколько версий

¹¹⁹ Там же. С. 8.

¹²⁰ Там же. С. 134.

¹²¹ Kreindler I.T. Changing Status of Russian in the Soviet Union // *International Journal of Sociology of Languages*, v 33, 1982. P. 27; цит. по: Алпатов В.М. Указ. соч. С. 101.

¹²² Алпатов В.М. Указ. соч. С. 101, 5.

¹²³ Ahlqvist A. Language Conflict and Language Planning in Ireland // *Language Conflict and Language Planning*. Berlin – New York, 1993. P. 16; цит. по: Алпатов В.М. Указ. соч. С. 25.

¹²⁴ См., напр.: Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань, 2011.

¹²⁵ Национальное самоопределение кряшен: история и современность: материалы третьих публичных чтений памяти ученого-кряшеноведа М.С. Глухова, посвященных его 75-летию (23 ноября 2012 г.) / Под науч. ред. А.В. Фокина и Р.Р. Сулейманова. Казань, 2013.

¹²⁶ См. об этом, напр.: Фокин А.В. Кряшенский вопрос в Татарстане.

происхождения кряшен¹²⁷, а кроме того важно и то, какое значение исследователи придают происхождению и раннему периоду существования какой-либо этнической группы, а какое более поздним влияниям. Нередко в зависимости от решения этих вопросов тем или иным образом и строится этническая политика.

Следующий вопрос, связанный с будущим этнической политики, и которого поэтому нельзя не коснуться хотя бы вкратце, – это необходимость развития методов прикладной этнологии и важность привлечения этнологов как профессиональных экспертов при решении практических вопросов, связанных с этническими проблемами, так или иначе относящимися к развитию культуры народов, к межэтническим отношениям и др. При этом имеет смысл напомнить слова В.В. Пименова о том, что для управления этническими явлениями и процессами необходимо «научное знание реальных глубинных тенденций функционирования и развития этносов и создание на этой основе оптимальных условий для их развертывания и протекания. *Оптимизация в рамках закономерности – вот принцип научного управления*, не имеющий ничего общего с волюнтаристским произволом»¹²⁸. И далее он же говорит о том, что «одним из приемов прикладной этнологии, ранее других нашедших применение в практической жизни, является метод *профессиональной экспертизы*»¹²⁹.

И, наконец, из большого числа тем, затрагивающих вопрос о мнениях этнографов относительно будущего этнической политики, хотелось бы вспомнить о двух книгах, вышедших более столетия тому назад. Они, хотя и не посвящались непосредственно прогнозированию будущего в рассматривавшихся вопросах, но обоснованно, с научной точки зрения, выражали позицию авторов по поводу распространенных предубеждений и предрассудков в отношении некоторых этнических / этноконфессиональных общностей и тем самым имели целью повлиять на общественное мнение. Одна из этих книг – работа К.П. Патканова «Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи», изданная в 1887 г. Несмотря на то, что бо́льшая часть работы посвящена собственно языковым вопросам, на нескольких десятках страниц ее речь идет о негативном отношении к цыганам и преследовании их в европейских странах на протяжении нескольких столетий, об обычаях цыган, разоблачаются существующие предрассудки в отношении цыган¹³⁰. Другая книга – это опубликованное на четыре года позже фундаментальное исследование Н.Д. Градовского «Отношения к евреям в древней и современной Руси. Часть I. Мотивы историко-национальные. С точки зрения русско-православной», посвященное опровержению взгляда (в частности, Д.И. Иловайского, автора учебников истории, по которым учились в гимназиях), согласно которому «евреи никогда не были терпимы на Руси»,

¹²⁷ Фокин А.В. Кряшенский вопрос в Татарстане: история и современность. Доклад научной конференции «Современное кряшеноведение: состояние, перспективы» (http://www.religare.ru/2_27050.html). С. 36–53.

¹²⁸ Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. М., 2007. С. 133.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Патканов К.П. Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи. СПб., 1887. С. 2–44.

и обоснованию противоположной точки зрения. Н.Д. Градовский, в частности доказывает, что отношение к евреям в России в разные периоды истории, хотя и изменялось, но в целом было, выражаясь современным языком, более толерантным, чем на Западе, а в отношении возможности последователей иудаизма «совращения» православного населения в свою веру автор отмечает, что отдельные редкие случаи действительно имели место, но обосновывает утверждение, согласно которому они не могли и не могут иметь массового характера, а также опровергает существующие предрассудки в отношении евреев¹³¹.

Сейчас трудно сказать, несколько распространенными тогда стали взгляды, подобные тем, с которыми выступали К.П. Патканов и Н.Д. Градовский, но само появление таких книг примерно в одно и то же время говорит о существовании в этот период идей межэтнической толерантности среди образованной части русского общества.

И наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание в завершение нашего достаточно выборочного обзора,— это тот факт, что многие прогнозы, сделанные авторами, работы которых были посвящены этнической проблематике, не сбылись просто потому, что главные причины, влиявшие на ход тех или иных событий, лежали вовсе не в этнической сфере. Поэтому как нельзя прогнозировать будущее без учета этнического фактора, так невозможно прогнозировать развитие этнических процессов, не обращая при этом внимания на процессы, протекающие в сфере демографии, экономики, политики, в социальной сфере.

Библиография:

- Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. – 224 с., изд. 2-е, дополненное.
- Алымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006. – 257 с.
- Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии (Несколько справок и общих замечаний) // Этнографическое обозрение. 1889. № 1. С. 1–35.
- Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. – 374 с.
- Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М., 2003. – 205 с.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М., 1999. – 272 с.
- Бартольд В. История изучения Востока в Европе и в России. Лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском университете. СПб, 1911. – 282 с.
- Белик К. Критика В.С. Соловьевым концептуальных идей Н.Я. Данилевского // <http://www.rodon.org/belik/kvsskinyad.htm>
- Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть I. Ставрополь, 1883. 134 с.

¹³¹ Градовский Н.Д. Отношения к евреям в древней и современной Руси. Часть I. Мотивы историко-национальные. С точки зрения русско-православной. СПб, 1891.

- Бобровский П. Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян западной России (По поводу этнографического атласа западно-русских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта). СПб., 1864. 51 с.
- Боровиков С.В. Черемисские (Марийские) войны в отечественной и зарубежной историографии // Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики», Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 6. <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-06/555>
- Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864. – 122 с.
- Велицын А.А. Немцы в России Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. – 282 с.
- Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. – 473 с.
- Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.
- Головнев А.В. О традициях и новациях: признательность за дискуссию // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 84–86.
- Градовский Н.Д. Отношения к евреям в древней и современной Руси. Часть I. Мотивы историко-национальные. С точки зрения русско-православной. СПб, 1891. 504 + XI с.
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. – 816 с.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. Изд. 3-е. СПб., 1888. 557 с.
- Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М., 2013. – 336 с.
- Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань, 2011. – 222 с.
- Кикешев Н.И. Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kik00.php
- Кёппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857. – 297 + XVIII с.
- Кёппен П.И. О народных переписях в России // Записки Императорского Русского Географического Общества. По Отделению Статистики. Том шестой. СПб, 1889. С. 1–94.
- Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. – 279 с.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
- Миллер А. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб, 2000. – 270 с.
- Национальное самоопределение кряшен: история и современность: материалы третьих публичных чтений памяти ученого-кряшеноведа М.С. Глухова, посвященных его 75-летию (23 ноября 2012 г.) / Под науч. ред. А.В. Фокина и Р.Р. Сулейманова. Казань, 2013. – 116 с.
- Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. М., 2007. – 696 с.
- Патканов К.П. Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи. СПб., 1887. 146 с.
- Пискаревский летописец // ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34. С. 31–220.
- Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. – 263 с.
- Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898. – 378 + XVI с.
- Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. 488 с.

- Реклю Э. Россия Европейская и Азиатская. С дополнениями и исправлениями. Том I-й. Европейская Россия. До Урала. СПб, 1883. 512 + IX с.
- Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. – 212 с.
- Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Том VIII, вып. 2. Казань, 1890. 308 с. + прил. 1 39с. + прил.2 4 с.
- Смирнов И.Н. Восточные Финны. Историко-этнографические очерки. Т. I. Приволжская, или Булгарская группа. Ч. 2. Мордва. Казань, 1895. 291 с. + предисл. VI с. + прибавл 5 с.
- Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. – 331 с.
- Социально-культурный облик советских наций. По результатам этносоциологического исследования. М., 1986. – 455с.
- СНМ Казанская, 1866. – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних дел. XIV. Казанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Обработан Старшим Редактором А. Артемьевым. – СПб., 1866.
- СНМ Нижегородская, 1863. – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних дел. XXV. Нижегородская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Обработан Старшим Редактором Е. Огородниковым. – СПб., 1863.
- Страхов Н.Н. Предисловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. Изд. 3-е. СПб., 1888. С. V–XXXII.
- Сусоколов А.А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006. – 448 с.
- Токарев С.А. История русской этнографии (Дюоктябрьский период). М., 1966. – 454 с.
- Фокин А.В. Кряшенский вопрос в Татарстане: история и современность. Доклад научной конференции «Современное кряшеноведение: состояние, перспективы» (http://www.religare.ru/2_27050.html).
- Фокин А.В. Этногенез кряшен как научная проблема и объективная реальность // Этноконфессиональное состояние кряшен: история, теория, практика: Материалы вторых публичных чтений памяти ученого-кряшеноведа М.С. Глухова, посвященных его 70-летию. Казань, 28 марта 2008 года. Казань, 2011. – С. 36– 53.
- Чуваши: современные этнокультурные процессы. М., 1988. – 240 с.
- Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. – 263 с.
- Этноконфессиональное состояние кряшен: история, теория, практика: Материалы вторых публичных чтений памяти ученого-кряшеноведа М.С. Глухова, посвященных его 70-летию. Казань, 28 марта 2008 года. Казань, 2011. – 152 с.
- Этнологический мониторинг переписи населения. Под ред. В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 552 с.
- Якобий А.И. Угасание инородческих племен Тобольского севера // Живая старина. Периодическое издание Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества под редакцию Председательствующего в Отделении Этнографии В.И. Ламанского. Год шестой. Выпуск III и IV. Отдел I. СПб., 1896. С. 267–272.
- Якобий А.И. Инструкция исследования инородческих племен Тобольского севера // Там же. С. 273–276.
- Ahlqvist A. Language Conflict and Language Planning in Ireland // Language Conflict and Language Planning. Berlin – New York, 1993.
- Edwards J. Multilingualism. London – New York, 1994.

Kreindler I.T. Changing Status of Russian in the Soviet Union // International Journal of Sociology of Languages, v 33, 1982.

Kreindler I.T. The Mordvinian Languages: a Survival Saga // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future. Berlin – New York – Amsterdam, 1985.

Sonntag S.K. Elite Competition and Official Language Movement // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.

Bibliography:

Alpatov V.M. 150 yazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemi SSSR i postsovetskogo prostranstva. M., 2000. – 224 s., izd. 2-e, dopolnennoe.

Alimov S.S. P.I. Kushner i razvitie sovetskoy etnografii v 1920–1950-e godi. M., 2006. – 257 s.

Anuchin D.N. O zadachakh russkoy etnografii (Neskol'ko spravok i obshchikh zamechaniy) // Etnograficheskoe obozrenie. 1889. № 1. S. 1–35.

Arutyunyan Yu.V. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR. M., 1971. – 374 s.

Arutyunyan Yu.V. Transformatsiya postsovetskikh natsiy: po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniy. M., 2003. – 205 s.

Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Etnosotsiologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov. M., 1999. – 272 s.

Bartol'd V. Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i v Rossii. Lektsii, chitannie v Imp. S. Peterburgskom universitete. SPb, 1911. – 282 s.

Belik K. Kritika V.S. Solov'evim kontseptual'nikh idey N.Ya. Danilevskogo // <http://www.rodon.org/belik/kvsskinyad.htm>

Bentkovskiy I. Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoy gubernii. Nogaytsi. Chast' I. Stavropol', 1883. 134 s.

Bobrovskiy P. Mozhno li odno veroispovedanie prinyat' v osnovanie plemennogo razgranicheniya slavyan zapadnoy Rossii (Po povodu etnograficheskogo atlasa zapadno-russkikh guberniy i sosednikh oblastey R.F. Erkerta). SPb., 1864. 51 s.

Borovikov S.V. Cheremisskie (Mariyskie) voyni v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii // Zhurnal «Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki», Seriya «Gumanitarnie nauki». 2012. №6. <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-06/555>

Bushen A. Ob ustroystve istochnikov statistiki naseleniya v Rossii. SPb., 1864. – 122 s.

Velitsin A.A. Nemtsi v Rossii Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh koloniy na yuge i vostokey Rossii. SPb., 1893. – 282 s.

Vserossiyskaya etnograficheskaya vystavka i Slavyanskij s"ezd v mae 1867 goda. M., 1867. – 473 s.

Golovnev A.V. Etnichnost': ustoychivost' i izmenchivost' (opyt Severa) // Etnograficheskoe obozrenie. 2012. №2. S. 3–12.

Golovnev A.V. O traditsiyakh i novatsiyakh: priznatel'nost' za diskussiyu // Etnograficheskoe obozrenie. 2012. №2. S. 84–86.

Gradovskiy N.D. Otnosheniya k evreyam v drevney i sovremennoy Rusi. Chast' I. Motivi istoriko-natsional'nye. S tochki zreniya russko-pravoslavnoy. SPb, 1891. 504 + XI s.

Guboglo M.N. YAziki etnicheskoy mobilizatsii. M., 1998. – 816 s.

Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnie i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu. Izd. 3-e. SPb., 1888. 557 s.

- Drobizheva L.M. Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opit 20 let. M., 2013. – 336 s.
- Iskhakov R.R. Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.). Kazan', 2011. – 222 s.
- Kikeshev N.I. Slavyanskoe dvizhenie v SSSR: 1941–1948 godi. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M., 2008. http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kik00.php
- Keppen P.I. Devyataya reviziya. Issledovanie o chisle zhiteley v Rossii v 1851 godu. SPb., 1857. – 297 + XVIII s.
- Keppen P.I. O narodnikh perepisyakh v Rossii // Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. Po Otdeleniyu Statistiki. Tom shestoy. SPb, 1889. S. 1–94.
- Kushner (Knishev) P.I. Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsi. M., 1951. – 279 s.
- Levin M.G., Cheboksarov N.N. Khozyaystvenno-kul'turnie tipi i istoriko-etnograficheskie oblasti // Sovetskaya etnografiya. 1955. № 4. S. 3–17.
- Miller A. Imperiya Romanovikh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. – 248 s.
- Miller A. «Ukrainskiy vopros» v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka). SPb, 2000. – 270 s.
- Natsional'noe samoopredelenie kryashen: istoriya i sovremennost': materiali tret'ikh publichnikh chteniy pamyati uchenogo-kryashenoveda M.S. Glukhova, posvyashchennikh ego 75-letiyu (23 noyabrya 2012 g.) / Pod nauch. red. A.V. Fokina i R.R. Suleymanova. Kazan', 2013. – 116 s.
- Osnovi etnologii: Uchebnoe posobie / Pod red. prof. V.V. Pimenova. M., 2007. – 696 s.
- Patkanov K.P. Tsigani. Neskol'ko slov o narechiyakh zakavkazskikh tsigan: bosha i karachi. SPb., 1887. 146 s.
- Piskarevskiy letopisets // PSRL (Polnoe sobranie russkikh letopisey). T. 34. S. 31–220.
- Pimenov V.V. Udmurti. Opit komponentnogo analiza etnosa. L., 1977. – 263 s.
- Plandovskiy V. Narodnaya perepis'. SPb., 1898. – 378 + XVI s.
- Pypin A.N. Istoriya russkoy etnografii. T. IV. Belorussiya i Sibir'. SPb., 1892. 488 s.
- Reklyu E. Rossiya Evropeyskaya i Aziatskaya. S dopolneniyami i ispravleniyami. Tom I. Evropeyskaya Rossiya. Do Urala. SPb, 1883. 512 + IX s.
- Smirnov I.N. Cheremisi. Istoriko-etnograficheskiy ocherk. Kazan', 1889. – 212 s.
- Smirnov I.N. Votyaki. Istoriko-etnograficheskiy ocherk // Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Tom VIII, vip. 2. Kazan', 1890. 308 s. + pril. 1 39s. + pril.2 4 s.
- Smirnov I.N. Vostochnye Finni. Istoriko-etnograficheskie ocherki. T. I. Privolzhskaya, ili Bulgarskaya gruppa. Ch. 2. Mordva. Kazan', 1895. 291 s. + predisl. VI s. + pribavl 5 s.
- Sotsial'noe i natsional'noe. Opit etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoy ASSR. M., 1973. – 331 s.
- Sotsial'no-kul'turniy oblik sovetskikh natsiy. Po rezul'tatam etnosotsiologicheskogo issledovaniya. M., 1986. – 455s.
- SNM Kazanskaya, 1866. – Spiski naseleNNikh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenie i izdavaemie Tsentral'nim Statisticheskim Komitetom Ministerstva Vnutrennikh del. XIV. Kazanskaya guberniya. Spisok naseleNNikh mest po svedeniyam 1859 goda. Obrabotan Starshim Redaktorom A. Artem'evim. – SPb., 1866.
- SNM Nizhegorodskaya, 1863. – Spiski naseleNNikh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenie i izdavaemie Tsentral'nim Statisticheskim Komitetom Ministerstva Vnutrennikh del. XXV. Nizhegorodskaya guberniya. Spisok naseleNNikh mest po svedeniyam 1859 goda. Obrabotan Starshim Redaktorom E. Ogorodnikovim. – SPb., 1863.
- Strakhov N.N. Predislovie // Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnie i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu. Izd. 3-e. SPb., 1888. S. V–XXXII.
- Susokolov A.A. Kul'tura i obmen: Vvedenie v ekonomicheskuyu antropologiyu. M., 2006. – 448 s.

- Tokarev S.A. Istoriya russkoy etnografii (Dooktyabr'skiy period). M., 1966. – 454 s.
- Fokin A.V. Kryashenskiy vopros v Tatarstane: istoriya i sovremennost'. Doklad nauchnoy konferentsii «Sovremennoe kryashenovedenie: sostoyanie, perspektivi» (http://www.religare.ru/2_27050.html).
- Fokin A.V. Etnogenez kryashen kak nauchnaya problema i ob'ektivnaya real'nost' // Etnokonfessional'noe sostoyanie kryashen: istoriya, teoriya, praktika: Materiali vtorikh publichnikh chteniy pamyati uchenogo-kryashenoveda M.S. Glukhova, posvyashchennikh ego 70-letiyu. Kazan', 28 marta 2008 goda. Kazan', 2011. – S. 36– 53.
- Chuvashi: sovremennye etnokul'turnye protsessy. M., 1988. – 240 s.
- Pimenov V.V. Udmurti. Opit komponentnogo analiza etnosa. L., 1977. – 263 s.
- Etnokonfessional'noe sostoyanie kryashen: istoriya, teoriya, praktika: Materiali vtorikh publichnikh chteniy pamyati uchenogo-kryashenoveda M.S. Glukhova, posvyashchennikh ego 70-letiyu. Kazan', 28 marta 2008 goda. Kazan', 2011. – 152 s.
- Etnologicheskiy monitoring perepisi naseleniya. Pod red. V.V. Stepanova. – M.: IEA RAN, 2011. – 552 s.
- Yakobiy A.I. Ugasanie inorodcheskikh plemen Tobol'skogo severa // Zhivaya starina. Periodicheskoe izdanie Otdeleniya Etnografii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva pod redaktsieyu Predsedatel'stvuyushchego v Otdelenii Etnografii V.I. Lamanskogo. God shestoy. Vipusk III i IV. Otdel I. SPb., 1896. S. 267–272.
- Yakobiy A.I. Instruktsiya issledovaniya inorodcheskikh plemen Tobol'skogo severa // Tam zhe. S. 273–276.
- Ahqvist A. Language Conflict and Language Planning in Ireland // Language Conflict and Language Planning. Berlin – New York, 1993.
- Edwards J. Multilingualism. London – New York, 1994.
- Kreindler I.T. Changing Status of Russian in the Soviet Union // International Journal of Sociology of Languages, v 33, 1982.
- Kreindler I.T. The Mordvinian Languages: a Survival Saga // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future. Berlin – New York – Amsterdam, 1985.
- Sonntag S.K. Elite Competition and Official Language Movement // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.